

Языковая ситуация в Подкарпатье 1938-1944 гг.

Развитие русинского литературного языка на протяжении последних трех столетий было сопряжено с жизнью и деятельностью Мукачевской грекокатолической епархии. В конце XVIII- начале XIX века во времена епископа Андрея Бачинского в Подкарпатье достаточно отчетливо сформировались три стиля русинского литературного языка (КАПРАЛЬ 1999, 284-290); здесь же корни так называемого «язычия», языкового субстрата, который в дальнейшем выполнял функции литературного языка и в котором изначально преобладали элементы церковнославянского языка различных изводов, с привнесением некоторых особенностей тогдашнего великорусского языка и местных наречий (зачастую западнорусинских). Именно различное количественное соотношение этих языковых пластов и особенности их взаимосмешения определяло, в основном, все формы литературного языка русин на протяжении всего XIX и первой половины XX века. Направление этого развития диктовалось прежде всего демократизацией, т. е. приближением норм литературного языка к живой разговорной речи русин. Наряду с этим естественным направлением развития на процесс языкового строительства у русин весьма заметное влияние оказывали иные факторы.

К середине тридцатых годов XX столетия оформились три языковых течения, которые условно можно обозначить как русофильское, украинофильское и собственно русинское. Не было единства среди русинского населения и в национальном вопросе. Буквально до прихода в Подкарпатье в октябре 1944 года красноармейцев большая часть русин идентифицировала себя частью единого «русского» народа. Последний феномен во многом объясняет, с одной стороны, доминирование русофилов в культурной жизни края на протяжении предшествующего столетия, с другой стороны, прохладное отношение местной духовной элиты к апологетам украинства, которые с начала XX столетия неоднократно навевались из соседней Галиции. В глазах подкарпатских «русских» первой половины прошлого века сторонники украинской идеи представляли дестабилизирующим элементом, способным расколоть дотоле единое, по их мнению, тело восточного славянства.

Сторонники разных ориентаций составляли два противоборствующих общественных объединения: русофилов объединяло общество имени Александра Духновича, украинофилов – «Просвита». Языковая ориентация разделяла и учителей Подкарпатской Руси соответственно на русофильский и украинофильский лагеря, сторонники которых также в конечном итоге группировались вокруг организаций «Учительское Товарищество» (с 1921 года) и «Учительська Громада», которая объединила вышедших из дотоле единой учительской организации в мае 1929 года сторонников украинской идеи). Сторонники той или иной ориентации по разному были представлены в общественной жизни края. Если в политической сфере (благодаря партийным лидерам Андрею Бродию и Степану Фенцику) доминировали русофилы, то украинофилы в силу сложившейся изначально практике школьного строительства (с 1919 года научным и методическим обеспечением в крае занимались прежде всего эмигранты, руководил процессом известный украинский ученый Иван Панькевич)¹ к концу 30-ых годов, хотя и не

¹ По мнению сторонников противоборствующего лагеря, такая политика чешских властей проводилась сознательно, ср., например, высказывание известного в крае историка о. Ириней Контратовича: «Наймутнѣйшим было то, что велика часть нашей интеллигенції не спостерегла, что она е только середником, чешской политики «divide et impera», коли откинувши свой власный материнский язык, ступала за екстремами.» (КОНТРАТОВИЧ 1941, 7).

доминировали, но занимали значительные позиции в учительской среде. Сторонники русинской культурной ориентации формировались прежде всего вокруг духовенства Мукачевской греко-католической епархии.

В отличие от русофилов, имеющих богатые традиции и достаточно четкий ориентир (русский литературный язык) и достигших на данный период максимального приближения к стандартным нормам русского литературного языка, сторонники украинофильского и особенно русинского лагерей сталкивались с проблемами идентификации языковых норм. Так, литературной формой украинского литературного языка, точнее одной из его территориальных вариантов (западноукраинской или центрально-восточноукраинской), владели преимущественно эмигранты. В свою очередь, у сторонников русинской ориентации (использовании в качестве литературного языка местных говоров) были свои сложности, связанные как с проблемами расширения аудитории (в середине 30-ых годов доминировали их конкуренты из русофильского и украинофильского лагерей), так и собственно языковыми вопросами. В условиях весьма заметно различающихся нескольких диалектов, отсутствия при этом естественного смешения диалектов, поскольку русины не составляли сколько-нибудь значительного количества жителей ни в одном из местных городов, процесс выработки единой языковой нормы для всех русин не был завершен естественным путем в первой трети XX века. С другой стороны, разделение русинской интеллигенции на два противоборствующих лагеря русофилов и украинофилов привело в конечном итоге к тому, что в своей языковой политике обе группировки пришли к одинаковым решениям: использованию в качестве литературного языка в своей практике соответственно (велико)русского и (западно)украинского литературных языков². Процесс формирования отдельного восточнославянского языка сознательно и целеустремленно начал формироваться только в середине 30-ых годов XX столетия.

Организующей и направляющей силой в этом процессе выступило греко-католическое духовенство. В первом номере еженедельника «Недѣля» 6 октября 1935 года в передовице «Розвиваеме» предлагается «отстранити всѣ недорозумѣнья и споры меже русинами».

Идеологи русинского направления предполагали, что сумеют примирить два враждебных лагеря русофилов и украинофилов на базе альтернативной „объединяющей” теории отдельности русинского сообщества.

«Мы чествуеме пересвѣдченье кожного чоловѣка. Мы высоко цѣниме культурну силу так великорусского як и украинского народа, мы в почести держиме их справедливѣ національнѣ цѣли и стремленья, але притом не хочеме забути о своем... Зато рѣшили мы сю нашу новинку выдати и писати на чисто народном языцѣ».

В условиях Чехословакии такого объединения не произошло, традиции протистояния враждебных лагерей к концу 30-ых годов XX столетия достигли стабильных и резко антагонистических форм.

* * *

² После русофилов к использованию привнесенных извне языковых норм пришли периодические издания украинофилов в период, когда руководство чехословацкой автономии (к тому времени активные сторонники украинофильского направления) переместилось в Хуст (ноябрь 1938 – март 1939 годов). На собственно украинском языке (правописанием на основе фонетического принципа) вышел двоякий (за январь-февраль 1939 г.) номер «Благовістника» под редакцией о. С. Сабола, там же выходила газета «Нова Свобода». Судя по языку изданий, их материалы явно редактировались заезжими специалистами. Для местных изданий тех лет подобная практика была обычным явлением. В изданиях Андрея Бродия активно участвовал инкогнито, например, Е. Недзельский, в газетах Стефана Фенцика под сокращением «Ред. ком.» скрывался Н. Левицкий. Оба белоэмигранта, по причине настороженного отношения к ним властей, не фигурировали в выходных данных русофильских газет.

10 ноября 1938 года важнейшие города Ужгород и Мукачево вместе со значительной частью юго-западной территории чехословацкой автономии Подкарпатская Русь³ были возвращены в состав венгерского государства. Спустя менее полугода 15 марта 1939 года и вся остальная часть края оказалась в составе Венгрии. В предшествующий двадцатилетний чехословацкий период наряду с государственным чешским языком в крае функционировало несколько форм литературного языка, обслуживающего культурные запросы местного русинского населения, которое и составляло большинство.

Культурная жизнь местного подкарпатского населения материализовались прежде всего на страницах периодических изданий. Обострившаяся, в связи с распадом Чехословацкой республики, борьба сторонников различной культурной ориентации весьма заметна именно в этой области общественной жизни Подкарпатья. В период обретения автономии края в противоборстве с официальной Прагой особенно усердствовали русофильские издания. Газеты Андрея Бродия «Русскій Вѣстникъ» и Степана Фенцика «Нашъ Путь» нередко выходили с большими белыми пятнами, остающимися после вмешательства цензуры, а после замены на посту первого премьер-министра автономии Андрея Бродия на Августина Волошина, который представлял в крае соперничающий с русофилами украинофильский лагерь, последний и вовсе запретил выход русофильской периодики.

Ожесточенное противостояние продолжалось и после перемещения столицы из Праги в Будапешт. Интересно, что одним из первых распоряжений новых властей осенью 1938 года был документ, также непосредственно относящийся к местной журналистике. Уже через три дня после I Венского арбитража 5 ноября 1938 года, на котором было принято решение о переходе части Подкарпатской Руси в состав Венгрии, (за неделю до вступления венгерских войск в Ужгород!) газета Степана Фенцика «Нашъ Путь» опубликовала весьма важное решение новых властей:

«Недавнее распоряженіе карпаторусскаго правительства о закрытіи всѣх русскихъ газетъ, сегодняшнимъ днемъ отмѣняется. Одновременно запрещается изданіе всѣхъ чешскихъ и украинскихъ газетъ в Ужгородѣ, Мукачевѣ и Береговѣ. Русскія и мадьярскія газеты съ сегодняшняго дня на основаніи этого распоряженія не подлежатъ цензурѣ. Ужгородъ, 4 XI. 1938. Съ повѣренія Мадьярскаго Національнаго Совѣта П. Бернатъ».

В общественной жизни края и, в частности, ее языковой составляющей произошли значительные изменения.

В составе венгерского государства Подкарпатья обрело статус особой территории, глава которой назначался непосредственно Миклошем Хорти, и был подотчетным только ему и премьер-министру государства. Наиболее острые и актуальные для местной интеллигенции вопросы, связанные с языковой ориентацией периодики края и местных органов государственной власти, Венгрия решила явно с учетом былых ошибок в языковой политике периода до 1918 года. Впервые в истории края приоритет получил русинский (resp. урорусский) язык (ср. венг. *magyarország*). В середине 1939 года, с началом возобновления гражданского самоуправления в крае, власти окончательно утвердили двуязычие. В государственном законе 6200/1939, было записано однозначно: «На подкарпатской территории государственными официальными языками являются венгерский и угрорусский».⁴ Знаменательным в языковом отношении выглядит официальный еженедельник «Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вѣстник. Hivatalas

³ В данном случае речь о территории, которая практически соответствует нынешним административно-территориальным границам Закарпатской области Украины. Эти земли местные газеты того периода преимущественно называли «Подкарпатья», «Подкарпатска територія» (ср. венг. *Kárpátaljai terület*), или «Угорская Русь».

⁴ См.: *Вотлик* 2005, 9.

Лар – Урядовый Лист», первый номер которого появился 30 июля 1939 года. Полоса еженедельника была поделена по середине: слева текст на венгерском, справа аналогичный на русинском языке, ср., например: «Вступное слово» регентского комиссара барона Зигмунда Перени:

«Коли «Подкарпатский Вѣстник», як окремишньи урядовый орган подкарпатской области, выпускаю на двох языках, але зато в побожном благоговѣннї в одну цѣлость злученою душою, просѣм: мадяре и русины, Всемогучого Бога, най поблагословить землю и народ послѣ двадцятилѣтнего страданя вернувшойся к М. Св. Коронѣ подкарпатской територїѣ. Най благословить их обома руками. Най подасть Всемогучий, чтобы из столбов сего урядового листа, из его мертвых букв, повстав спокойный и благодатный живот. Най найде многострадальный, вѣрный народ подкарпатской области в знамени свободы, социальной справедливости и культурного поднесеня дорогу до лѣпшой будучности!».

В составе администрации регентского комиссара был учрежден специальный отдел переводов. Помимо административного управления, русинский язык использовался в различных сферах жизни края. Этнические венгры из государственных учреждений проходили специальную языковую подготовку⁵. В срочном порядке изготавливались бланки школьной, банковской, почтовой и т. п. документации⁶. Составлялись новые вывески на учреждениях, ср., например: «Угорскій Народный Банкъ. Мункачевское Отдѣленіе», «Подкарпатська Земледѣльска Комора», наименования населенных пунктов в расписании поездов, на почтовых штемпелях и т. д. также дублировались, ср., «Huszt – Хустъ», «Kőgösmező – Ясина», «Rákos – Ракошинъ», «Szerednye – Средное»⁷ и т. п.

На первом этапе (1939-1940) особую роль в проведении в жизнь языковой политики венгерского государства в Подкарпатье сыграл греко-католический священник Юлий Марина, который руководил отделом образования и культа в администрации края. Надо полагать, руководствуясь личными языковыми предпочтениями, он способствовал тому, что язык русинских изданий в 1939-40 гг. был весьма близок к языку изданий русофилов. Именно чиновник о. Юлий Марина возглавил коллектив авторов, который в начале 1940 года издает официально одобренное регентским комиссариатом ч. 8888/1940 учебное пособие (ГРАММАТИКА 1940). Сохраняя предшествующие языковые традиции в целом⁸, авторы вместе с тем пытались насытить русинский литературный язык местными языковыми формами. В частности, отметим использование в

⁵ В срочном порядке было подготовлено учебное пособие в виде разговорника, ср.: (Magyarország... 1939).

⁶ Об интенсивности и серьезности этого процесса в условиях нехватки полиграфической базы на месте свидетельствует и тот факт, что многие официальные бланки и формы (например, почтовые, банковские, школьные табеля и т. д.) печатались в Будапеште. Язык этих печатных форм часто приближался к великорусскому, ср., например, фрагмент рекламного текста на обратной стороне почтового чека: «Чековый оборотъ Почт. Сберегательной Кассы: Безопасный, ибо владѣлецъ счета освобождается отъ неудобствъ и опасностей манипуляціи грошми, счета и обмѣны грошей, и въ случаѣ надобности въ теченїи трехъ лѣтъ можетъ получить удостовѣренїе...». У нас в семейном архиве находится «Студійное извѣщенїе» (школьный табель в высококачественной полиграфически исполненной тисненной обложке с выходными данными «Кор. Вен. Университетска Типографїя Будапешт»), выписанный на имя ученицы гражданской школы подкарпатской глубинки (с. Калник, нынешнего Мукачевского района) Марии Шкоба уже 10 июля 1939 года, т. е. на десятый день работы гражданской администрации в крае.

⁷ См.: ВOTLIK 2005, 10-14.

⁸ Характерным для местной элиты было убеждение в том, что литературный язык (господский язык) не может быть приближен к живому языку окрестных сел. Подобное отношения к разговорной речи одного из законодателей местных языковых предпочтений Михаила Лучкая, который в своей грамматике 1830 года прямо об этом заявляет, оказалось актуальным во многом до середины XX века. Призыв наиболее известного в научном мире первой половины XX века ученого из русин, академик ВАН Антония Годинки, который сам использовал и пропагандировал воздвижение народного языка на уровень литературного еще с 20-ых годов прошлого века, оказался практически не услышанным вплоть до 90-ых годов XX века, периода возрождения русинского национального движения.

нем глагольных форм *читаеме, несеме; обробляе, буде, росте*; местоимений или их форм *дакто, дакотрый, ктось, мене, менъ*; форм звательного падежа имен существительных; форм числительного *двѣста, третее*; суффикса *-иск-* со значением учичижительности, ср. *ручиско, хлопчиско*; префикса *най-* (*най-бѣльшій*) и т. д.

Следует отметить, что на практике эти немногочисленные официально кодифицированные местные языковые элементы не особо удалили русинский литературный язык от норм великорусского литературного языка, который использовался в крае.⁹ Подобная форма русинского литературного языка в качестве второго государственного на территории Подкарпатья просуществовала вплоть до сентября 1941 года¹⁰.

В новых государственных реалиях, естественно, венгерский язык использовался практически во всех сферах жизни, новое дыхание получила местная венгерская пресса. В этот период в крае выходило более десяти периодических изданий, ср., например: «*Kárpáti Híradó*», «*Kárpáti Magyar Hírlap*», «*Natárszéli Hírlap*», «*Az Óslakó*» и др.

На фоне запрета украиноязычных изданий русофильские газеты экс-премьера Подкарпатской Руси Андрея Бродия „Русский Вѣстникъ” и другого «автономиста» Степана Фенцика «Карпаторусский голось» сохранились, более того, в первый год венгерской власти (особенно до введения цензуры осенью 1939 года) чувствовали себя весьма комфортно. В первые два года второго венгерского периода сторонники использования в качестве литературного языка русского (или же языка, приближенного к нему) развили заметную активность. В 1939 году яркий представитель русофильского лагеря Георгий Геровский издает учебник (ГЕРОВСКИЙ 1939). В пространном предисловии к учебнику (Предисловіе къ учителю, I–VI) автор предлагает учителям использовать «правильную грамматическую рѣчь» [т. е. следовать великорусским языковым нормам – М. К.], ибо, по его мнению,

«...невозможно, чтобы грамматика излагала сельскую рѣчь... Русский народъ на Карпатской Руси сохраняетъ въ каждой мѣстности свой природный русскій говоръ. Но ради образованія, чтенія книгъ и умственнаго развитія, ради національной культуры, а также для лёгкаго и удобнаго сообщенія съ русскими людьми изъ другихъ концовъ Карпатской Руси и для бесѣды съ образованными инородцами нашъ сельскій народъ долженъ знать и грамматическій языкъ. Знаніе грамматическаго (литературнаго) языка должна дать нашему селянину школа путѣмъ правильнаго обученія школьныхъ дѣтей».

Не вдаваясь в подробный языковой анализ учебника, отмечу некоторые его фрагменты: «*О, как жаль мнѣ за братомъ! (с.7); Зябнетъ голубка. Бѣдуетъ синичка. Добрыя дѣтки сыплотъ имъ каши. (с.71); Подъте домой! Про что?»*

⁹ Ср., например, фрагмент публикации самого Юлия Марины в учительском органе «Народна Школа», который начал выходить ежемесячно в январе 1940 года: «Вѣрною правдою является, что исторія повторяется. Исторія угрорусского народа, а въ томъ числѣ и угрорусского учительства 15-го марта 1939 года повторилася. Угрорусскій народъ и его учительство вернулись въ 1000-лѣтніе свои рамки, въ рамки Короны Св. Стефана. Для водворенія порядка, въ томъ числѣ и школьного, в нашѣмъ Краю вступило въ силу военное управление. Послѣ тяжелой работы сего управления школьное дѣло и школьное управление 1-го іюля 1939 г. перешло въ руки Школьного Отдѣленія Регентскаго Комиссаріата Карпатскаго Края...» (МАРИНА Ю. Д-рѣ 1940.)

¹⁰ На этом языке была издана целая серия школьных учебников, см.: Первый цвѣтъ дѣтской мудрости. Для 1. кл. народной школы. Изданіе Регентскаго Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь, 1939 [Другое изданіе 1940]. - 112 с.; Другій цвѣтъ дѣтской мудрости. Для II. класса народной школы. Изданіе Регентскаго Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь: Типографія оо. Василиянь въ Унгварѣ (Szent Bazil Rend könyvnyomdájа Ungvárott), 1939. - 120 с.; Третій цвѣтъ дѣтской мудрости. Для III–IV. класса народной школы. Изданіе Регентскаго Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь, 1939. - 176 с.; Четвертый цвѣтъ дѣтской мудрости. Для V–VI класса народной школы. Изданіе Регентскаго Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь, 1939. - 264 с.; Пятый цвѣтъ дѣтской мудрости. Для VII–VIII класса народной школы. Изданіе Регентскаго Комиссаріата въ Унгварѣ. Унгварь, 1939. - 248 с. [140×200 мм].

На русском языке в крае продолжали до 1943 года выходить преимущественно коллективные сборники местных авторов¹¹, отдельные издания¹², русофильские газета Степана Фенцика «Карпаторусский Голось» (сначала ежедневно с 7 ноября 1938 года на смену предыдущему изданию «Нашъ Путь», а в годы войны дважды в неделю до октября 1944 года). Ежедневную газету «Русская Правда», которая стала выходить на смену предыдущей «Русский Вѣстник», в сентября 1939 года начал издавать более умеренный политик Андрей Бродий. Через год ей на смену дважды в неделю до конца октября 1944 года выходило «Русское Слово». Русофильские издания в крае печатались на языке с сохранением графики и орфографии до реформы 1918-1918 годов. Наряду с этим своеобразными маркерами «местной» редакции русского языка были определенные стилистические особенности, вызванные влиянием местной полифоничной языковой среды, и использование изданиями Андрея Бродия (впрочем, не всегда последовательно) инфинитивных глагольных форм на *-ти* (*воевати, вѣрити, умѣти* и т.д.) и союза *якъ*, на месте общелитературной формы *какъ*, ср., например:

«Въ отвѣтственные моменты исторіи надо умѣти сохранять выдержку, самообладание и не теряти голову; Бѣженцы изъ Польши еще постоянно переходять литовскую границу, среди нихъ много видныхъ лицъ, якъ примѣромъ воевода изъ Гродно и одинъ митрополитъ; ...и я ставлю ея цѣлью всенародное объединение всего угрорусскаго народа въ одно здоровое національное цѣлое...» (Русская Правда, 22 сентября 1939 г.).

Менее внимательной к языковым вопросам было праворадикальное и значительно менее респектабельное и влиятельное издание Степана Фенцика. Нередко в тексте можно встретить не только стилистические погрешности, но и чуждые русской речи лексические единицы, ср., например:

«Въ майстровскомъ состязаніи на собственной площади ВАЦ [название футбольной команды – М. К.] рѣшително побѣдилъ и тѣмъ приобрѣлъ 2 цѣнныхъ точки. ...противъ эвентуальной инвазіи англо-американцевъ.» (Карпаторусский Голось, 24 марта 1943 г.).¹³

При всех богатых традициях и бесспорных достижениях, к тому же отсутствию главных конкурентов предшествующих двух десятилетий украинофилов, сторонникам использования в качестве литературного русского языка приходилось довольствоваться вторыми ролями, а с весны 1941 года и вовсе смириться с решением венгерских властей признать в качестве литературного языка подкарпатских русин – русинский язык, практически лишенный элементов великорусского языка.

¹¹ Огоньки. Художественный сборникъ, составленный группой писателей. Изданіе Комитета Р. О. Краснаго Креста. За изданіе отвѣчаетъ: О. С. Лосіевская. Ужгородъ, 1940; 12. Сборникъ молодыхъ угрорусскихъ поэтовъ. Подъ редакціей ГИК-а. Ужгородъ, 1940; Будеть день. Сборникъ хустской литературной школы подъ редакціей ГИК-а. Хустъ, 1941; Шаги. Альманахъ мукач. лит. школы. За изданіе отвѣчаетъ: Е-Данкулинец. Обложку и иллюстраціи пригот. худ.: А. Петер. Мукачево, 1941; Наканунѣ. Сборникъ стиховъ и прозы Ужгородской литературной школы. Ужгородъ, 1941; Литературный Альманахъ. Матеріаль собралъ и проредактировалъ: И. Г. Керча. Обложка И. Ромбергъ. Унгварь-Ужгородъ, 1943.

¹² См., например: Русакъ Ю. *Прогулки (разказы)*. Ужгородъ, 1941; Ивановъ Й. *Съ полетомъ дней*. Ужгородъ, 1941; Сильвай И. А. (Уріилъ Метеоръ). *Собраніе сочиненій. Книга первая*. Ужгородъ, 1941; Комлошій И. *Въ корчмѣ*. Весела сцена въ одномъ дѣйствіи. Унгварь-Ужгородъ, 1942; Линтуръ П. *Угро-русскія коляды*. Ужгородъ, 1942; Митракъ А. А. *Избранныя сочиненія. Стихи и проза*. Унгварь-Ужгородъ, 1942; Павловичъ А. И. *Избранныя сочиненія. Стихи и проза*. Унгварь-Ужгородъ, 1942; Проданъ П. *Яблоня (избранныя стихотворенія)*. Ужгородъ, 1942; Горянинъ И. *Страна простацкая. Стихи*. Унгварь-Ужгородъ, 1942; Лазаръ Д. В., Діянничъ, В. В., Качій Г. Ю. *Тройка. Стихи*. Унгварь-Ужгородъ, 1942; Карпатскій Г. *Живая синь. Стихи*. Унгварь-Ужгородъ, 1943; Боржавинъ В. *Горы и доля. Стихи*. Унгварь-Ужгородъ, 1943; и т. д.

¹³ Больше о русофильских газетах тех лет см. KÁPRÁLY 2001; 2003.

Прерогатива новыми властями была отдана «третьему» направлению, тем политическим, общественным и религиозным силам, которые в противовес русофильскому и украинофильскому движению отстаивали собственную автономию, право использовать родной (на основе местных говоров) русинский язык, который наряду с другими факторами помогал бы формированию независимой, прежде всего в культурном отношении, русинскую нацию.

Второй этап в языковом строительстве в крае наступил с приходом на должность регентского комиссара Миклоша Козмы в сентябре 1940 года, с именем которого связаны значительные достижения в культурной жизни края. По инициативе и с помощью государственного чиновника было организовано «Подкарпатское Общество Наукъ» (ПОН), институция-прообраз национальной Академии наук, в рамках обширной деятельности которой состоялась своеобразная культурная революция. За три непростых военных года в рамках институции было издано почти сотня книг, несколько томов научного журнала «Зоря-Најнал», десятки номеров литературного двухнедельника «Литературна Недѣля», детского ежемесячного журнала «Руська Молодежь», каждый год многотысячными тиражами издавался популярный в народе календарь.¹⁴

Полноценному функционированию ПОН предшествовала еще одна языковая реформа в крае. Весной 1941 года была издана грамматика Ивана Гарайды (ГАРАЙДА 1941), а 17 августа того же года регентский комиссар распорядился об ее обязательном использовании в школьном преподавании и других сферах культурной и экономической жизни Подкарпатья. Естественно, на новый язык с сентября 1941 года перешли и редакция учительского журнала «Народна Школа», официального двуязычного еженедельника «Подкарпатский Вѣстник», ежемесячника «Благовѣстник», различные ежегодные календари, столь популярные особенно в крестьянской среде, и т. д.

Не вдаваясь в языковой анализ новой грамматики¹⁵, следует отметить прежде всего тот факт, что она фактически только узаконила языковую практику сторонников отдельного русинского литературного языка, которые еще с 1935 года группировались вокруг редакции еженедельной массовой газеты «Недѣля». Во второй венгерский период именно прорусинская периодика всячески поддерживалась властями.

С января 1939 года в крае выходил русинский еженедельник «Нова Недѣля», который продолжил традиции своей предшественницы газеты «Недѣля» 1935-1938 гг. издания. Традиции эти зыждились на использовании одной из двух ветвей развития русинского литературного языка, органично сформировавшегося на базе различных изводов церковнославянского языка и под влиянием местных говоров во второй половине XVIII – начале XIX века, больше известного под названием «язычие», выполнявшего функции литературного языка без малого на протяжении всего XIX века, в середине 90-ых годов которого значительно демократизированного, то есть приближенного по многим параметрам к особенностям местных говоров с минимальным сохранением отдельных традиционных языковых элементов (вторая ветвь привела к практически полному слиянию с великорусским литературным языком). Языковые традиции, закрепленные в начале XX века грамматиками Августина Волошина, языковой практикой периодических изданий того периода, продолжали в чехословацкий период в основном издания Мукачевской грекокатолической епархии («Благовѣстник», «Душпастырь», «Добрый Пастырь», а с 1935 года – редакция газеты «Недѣля», да и в значительной степени издания до октября 1938 года самого Августина Волошина, к тому времени одного из лидеров украинофильского движения в крае).

¹⁴ О «Подкарпатскомъ Общества Наукъ» и его изданиях см. КАПРАЛЬ 2002.

¹⁵ О языке грамматики подробнее см. ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ 1998, 144-167.

В текстах, написанных так называемым этимологическим правописанием (на месте исторического *o*, произносимого в большинстве местных говоров как *u* или *i*, писалась буква „*o*”) встречалось немало языковых элементов различных уровней, сохранившихся со времен Андрея Бачинского и не встречающихся в составе основных говоров Подкарпатя (ср. союз *что*, формы имен в творительном падеже женского рода типа *брехнею*, *бородою*, *нею* и т. д.), ср., например:

«Украинцѣ плачуть, что утратили независиму волошиновску краину «Карпатську Украину», де им было так красно пановати за 5 мѣсяцев, что про то панство николи забыти не можуть... Та правда, правда – красно то было! Батькови украинцѣв Волошину, сему малому епигону великих политичных концепцій удалося сѣсти на коня, де его посадили каламутнѣ воды самых каламутнѣйших политичных обставин середньоевропейских, а уже настала золота „вікраїнська шльебода” на бывало Подкарп. Руси...»

О своем отношении к языковому вопросу ведущий орган края высказывался неоднократно, ср., например:

«Из огляду языкового «Недѣля» заставаеся за права нашего домашнього народного языка (малоруського нарѣчія) с рѣшучим откинемьем нашому народу чужой и ненавидженой украинцины. Кедь нашѣ братья Лемки можуть мати свою новинку и своѣ книжки выданѣ на своем домашном нарѣчію а так само розвивати можуть свое нарѣчіе и нашѣ братья Сотакы, то и нашому руському народу на Подкарпатах належиться право природное, чтобы мог мати свою новинку и своѣ книжки выданѣ на том языцѣ, котрый сей народ считае своим, и котрому розумѣе найлѣпше. Словом: Подкарпатскому Русинowi даеме литературу кождоденну на его языцѣ... Розумѣеся: что сим против руського литературного языка не ставимеся и против него не боремеся, а признаеме его права в середних школах и высше, там, де того потребуе загальна высша интеллигенція, до котроѣ науковое образования середных и высших школ стремиться».¹⁶

На подобном языке с 5 ноября 1939 до 20 июля 1941 года издавалась сначала газета «Карпатска Недѣля. Орган мадярьско-руського братерства»¹⁷, а после кодификации русинского литературного языка на базе грамматики Ивана Гарайды издание выходило до середины октября 1944 года под старым названием «Недѣля». Языком грамматики Ивана Гарайды выходили в крае и остальные периодические и отдельные издания, велось делопроизводство. На практике языковая политика, особенно в изданиях Подкарпатского Общества Наук, где публиковались в большинстве своем украинофилы, проводилась весьма либерально и, по большей части, формально. Декларируя приверженность локальным ценностям, грамматика Гарайды во многом ориентировалась на языковые традиции. Даже в тех случаях, когда во всех основных диалектах использовались одинаковые формы, в ней кодифицированы старые книжные языковые элементы, например, на месте окончания творительного падежа –*ов*, предлагается использовать книжное –*ою* и т. д. Кодификаторы 40-ых годов не смогли порвать с традиционными представлениями о литературном языке, которые доминировали в крае на протяжении последнего столетия до них. Не смея отказать в праве на собственное видение решения данного вопроса академику Антонию Годинке, редактор «Карпатска Недѣль» лишь снабжает замечательные тексты, написанные живым народном языком, сноской

«На желаня автора сообщаеме из оригинальным правописом».¹⁸

На качестве языка изданий тех лет, безусловно, сказывались военные трудности, в крае и без того всегда ощущалась острая нехватка редакторских работников. Только

¹⁶ Нова Недѣля, 9 апрѣля 1939 г.

¹⁷ См. КАПРАЛЬ 2006, 233-247.

¹⁸ Карпатска Недѣля, 21 януара 1940 г.

этим можно объяснить слабость публикаций газеты «Недѣля», которая на практике не всегда следовала собственным программным заявлениям. Особенно грешили удаленностью от народного языка художественные публикации в газете второй половины Второй мировой войны. Нередко, те же авторы-украинофилы (а они составляли в создавшейся ситуации большинство на страницах русинских изданий) следовали лишь графическим и орфографическим нормам русинского языка, и вполне сознательно не обращали внимания на лексику сочинений. В сочинениях наиболее плодovitого (и, наверное, одного из наиболее талантливых) местного автора научно-популярных и художественных текстов того времени Федора Потушняка можно встретить многие диковинные для местных крестьян слова, Вместо обычных для «простаков» *хыжа, шваблики, шкатулка, глядать* автор использует, надо полагать, более высокие в его понимании *хата, стърники, коробка, шукае* и т. п. Следуя за грамматикой Гарайды Федор Потушняк использует не свойственные местным жителям книжные формы местоимений *онь, што* и п., встречающиеся только в периферийных диалектах слова типа *мовь, такожь*, союза *але*¹⁹ и т. п. ..(ПАСЪЧНИКЪ 1944).

К особенностям русинских текстов первой половины XX столетия следует отнести и то, что авторы весьма упорно и сознательно уходили от использования народных языковых элементов. Зачастую интуитивно принимая и признавая в качестве «своих» славянские языковые элементы (преимущественно из языков восточных соседей), авторы в силу пробелов в собственном образовании не всегда правильно могли использовать их, к тому же затрудняли при этом доступ к собственным текстам «простых» читателей. О том, что подобный подход был сознательным, свидетельствует практически полное отсутствие мадьяризмов в письменном языке тех лет. Лишь сознательным избирательным поведением самих авторов, как правило владеющих венгерским лучше, чем русским или украинским (что заметно часто на синтаксическом уровне) можно объяснить подобное явление, ибо народный язык на всей территории края весьма интенсивно использует до сегодняшнего дня различные венгерские языковые элементы. Несколько парадоксальным выглядит то, что русинские «пуританствующие» авторы до середины XX века избегали венгерских, чужих, на их взгляд, элементов, в то же время, не всегда могли адекватно сориентироваться во всех тонкостях украинского или русского литературного языка.

В целом, при всех достижениях в культурной сфере Подкарпатья времен Второй мировой войны, очередная попытка русинской интеллигенции кодифицировать русинский литературный язык, не была завершенной и окончательной, как по причине непродолжительного существования благодатного политического строя, так и скорого вхождения в состав СССР, где русинская тематика на протяжении последующих двух поколений была почти стерта из общественного сознания.

Литература

- ГАРАЙДА 1941 — И. ГАРАЙДА. *Грамматика руського языка*. Выдана Подкарпатского Общества Наукъ. Унгварь: Книгопечатня Юлія Фельдешія, . – 143 с.
- ГЕРОВСКИЙ 1939 — Г. ГЕРОВСКИЙ. *Русская грамматика для народныхъ школь. Часть I. Для второго года обученія*. Унгварь–Ужгородъ: Школьная помощь, 1939. – VI+72 с.
- Грамматика угрорусского языка для середнихъ учебныхъ заведеній*. Изданіе Регентского Комиссарского Управленія въ Унгварѣ. Унгварь, 1940 – 114.

¹⁹ Характерно, что этих слов нет в наиболее полном и качественном современном русинском словаре, см. КЕРЧА 2007.

- ДЗЕНДЕЛІВСЬКИЙ 1998 — Й. О. ДЗЕНДЕЛІВСЬКИЙ. *Гарайда як філолог*. Acta Hungarica 1996-1997, VII-VIII роки видання. Ужгород – Дебрецен, 1998, с. 144-167;
- КАПРАЛЬ 1999 — М. КАПРАЛЬ. *Издания Иоанна Кутки в истории русинского литературного языка*. Studia Russica XVII. Budapest, 1999, с. 284-290
- КАПРАЛЬ 2006 — М. КАПРАЛЬ. *Карпаторусинські мас-медіа 1938-1944гг.: новинка „Карпатська Недѣля”*. Carpatho-Rusyns and their Neighbors. Essays in Honor of Paul Robert Magocsi. Eds. Bogdan Horbal, Patricia A. Krafcik, Elaine Rusinko. Eastern Christian Publications. Fairfax, 2006, p, 233-247.
- КАПРАЛЬ 2002 — М. КАПРАЛЬ. *Подкарпатское Общество Наук. Публикации. 1941–1944*. Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia 10. Nyíregyháza, 2002. – 172 с.
- КЕРЧА 2007 — ИГОРЬ КЕРЧА. *Русинско-русский словарь. В двух томах, свыше 58 000 слов*. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. I. А-Н. – 608 с.; Т. II. О-Я. – 608 с.
- КОНТРАТОВИЧ 1941 — ИРИНЕЙ КОНТРАТОВИЧ. *Чи треба заосновати на Подкарпатю Наукове Товариство?* Карпатска Недѣля, 2 фебруаря 1941, с. 7.
- МАРИНА 1941 — Д-РЬ. Ю. МАРИНА. *Къ культурнымъ работникамъ родного края*. Народна Школа, 1939/40. № 1. Унгварь, 1941, с. 1.
- ПАСЪЧНИКЪ 1944 — Ф. ПОТУШНЯКЪ. *Бабина смерть*. Недѣля, 17 септембра 1944, с. 3.
- ВОТЛИК 2005 — VOTLIK JÓZSEF. *Közigazgatás és nemzetiségi politika Kárpátalján II. A Magyarországhoz történt visszatérés után 1939-1945*. Dimensiones Culturales et Urbanales Regni Hungariae 9. Nyíregyháza, 2005. – 445 old.
- КÁPRÁLY 2001 — KÁPRÁLY MIHÁLY. *Русскоязычная периодика Венгрии: газеты Андрея Бродия (1938-1944)*. Studia Russica XIX. Budapest, 2001, с. 60-67.
- КÁPRÁLY 2003 — KÁPRÁLY MIHÁLY. *Русскоязычная периодика Венгрии: „Карпаторуский Голосъ”*. Slavica Szegediensia. Szeged, 2003, с. 121-131.
- Magyarország nyelvgyakorló könyv*. Kiadja: A Kárpátaljai terület Kormányzói biztosi Hivatal Tanügyi osztálya. Ungvár, 1939. – 205 old.